

Юра

Владислав Март

18+

Владислав Март Юра

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70409473

SelfPub; 2024

Аннотация

Рассказ о взрослении обыкновенного мальчика под мудрым руководством деда в несколько альтернативной реальности.

Владислав Март Юра

Это началось в тот год, когда уменьшились цветы. Повсеместно произошла стремительная перемена. С поздней весны всё новые цветы, появляющиеся согласно своему цветочному календарю, оказывались меньше, чем ждали. Куцые ромашки, крохотные васильки, маленькие шарики роз и шиповника. Растения стали давать мало нектара, почти не пахли, их цветы не имели того насыщенного колора, что заставляет сорвать, купить, дарить. Цветущие растения перестали нуждаться в насекомых для опыления. Случилась некая перестройка, метаморфоза или мутация. Всё цветущее научилось опылять себя без роя жужжащих. Бутоны только появившись – отмирали. Распускались не полностью. Пахли просто травой. Ни пчела, ни бабочка не могли насытиться сухой пылью на пестиках-тычинках. Цветы редуцировались и клонясь к земле засыхали. Всего одна весна, одно лето положили конец привычному. Вечные паразиты одуванчики и вовсе не расцвели. Не летели над лодыжками пешеходов белые зонтики, не красили носы собакам жёлтые цветки, дети не пачкали руки белёсым неотмывающимся соком сорванных растений. И сока в природе стало меньше. Всюду взгляд видел траву, побеги, деревья, но не тюльпаны. Розы, покрытые колючками, без крупных своих цветов стали походить

на терновые кусты. Крылатые насекомые валялись серой шелухой под ногами. Дворники мели их в кучи и поджигали как листья осенью. Стали находить мёртвых птиц, дроздов и скворцов. Постоянно приходилось наступать на скрюченных мёртвых лягушек. Часть птиц улетела на юг в июле и больше не вернулась. Люди пытались спасти птиц, кормить их семенами подсолнуха, но оказалось, что очень многие птицы его не едят. А к летнему солнцестоянию подсолнух так подорожал, что халва и всякая энергетическая шоколадная чепуха начала быть дорогим лакомством. На асфальте дети не рисовали больше цветов, пчёл и птиц. Новое поколение карапузов не имело перед собой примера, модели, с чего переносить мелками на плитку. Их каракули повторяли дома, машины, солнце, что угодно, кроме цветов. В последнюю очередь я заметил отсутствие паутины и почти полную тишину по утрам. Цветы всех подвели. В том году они проснулись маленькими, бледными и неароматными. Некрасивыми и невкусными, уродливыми карликами. Уменьшенные цветы запустили целую волну перемен и смертей в природе.

Это было в том городе, где вполне мог бы творить Шинкарёв. Огромные кубы зданий с маленькими одинаковыми окнами здесь могли скрывать что угодно. По внешнему виду серого-кирпичного куба нельзя было предсказать, детский сад ли, завод ли, цирк ли внутри. Вилками торчали из слежавшегося прошлогоднего снега палки деревьев. Именно палки, стволы, лишённые дополнительного фрактала сред-

них и малых веток. Тени таких деревьев всегда показывали на земле урок геометрии, вечную зебру чёрных на сером полосок. Вода рек того города напоминала лужу. Она стояла недвижимо и ничего не отражала, так как цвет неба полностью вторил цвету воду. Улицы перетекали в мосты и были значительно живее реки. Там кувыркались чёрные знаки вопроса – фигуры пешеходов, рывками танцевали коробки грузовиков, кружился розенбаумовский бостон опавших пакетов. На воде жизни не было. Ни лодок, ни плывущего мусора, ни тени ограды, ничего демонстрирующего энергию потока, показывающего, что река, в общем, та же дорога. Реками в том месте не пользовались. Вода под мостами нужна была для поглощения избытка мыслительной энергии индивидов в пальто и платках. Она была очистительным фильтром, что неслышно сорбирует лишнее из воздуха и головы. Река принимала канализацию, обрывки писем, отрететированные и несказанные признания, плевки злобы и слёзы счастья. Река смешивала всё это по ночам, чуть ускоряя под гнётом луны и выводила шлаки в далёкое море, что граничило с иными городами. Шинкарёв нашёл бы здесь облупившиеся классические статуи в парке, бровку мусора у дороги, терракотовую котельную с трубой-ракетой и написав это, остался бы висеть в краеведческом музее. Тот город и художник не встретились. Пейзажи шинкарёвские здесь называли просто «вид из окна» или «обычная погода». Никому в голову не приходило, что серый день и двухэтажный проулок нарисованные

натурально криво и без деталей для кого-то являются темой творчества. Деталей же в переулках было довольно.

Во 2-м Огнеупорном переулке, к примеру, стоял Голубой дом. Типовой деревянный трёхэтажный барак, отделанный снаружи толстым слоем известки, выкрашенной в голубой цвет. Не везде штукатурка была на месте, не везде рамы содержали стекла, а крыша шифер, но всё же дом выделялся своей самобытностью в серой шеренге других мокрых стен переулка. Дом даже стоял иначе. На метр ближе к дороге, отбирая у тротуара место, отчего с одной стороны его было видно с обоих концов улицы, с другой, его первый этаж был вечно забрызган грязью от проезжающих бортовых грузовиков. На счёт того отчего дом был голубым, а соседние имели цвет неопределённый или просто некрашенный цвет штукатурки, ходили разные городские легенды. Все они были глупыми и скучными. Жители дома никак не участвовали в развитии легенд и преданий, им было наплевать какого цвета дом. Дом строили кооперативом при другой власти. Его проект и цвет, скорее всего, были выбраны спонтанно, как самые дешёвые или доступные. Обитали в Голубом доме – бывшие заключённые – сухие махорковые мужички с толстыми венами на шеях, прачки из соседней фабрики-прачечной и две просто бедных без причины семьи. Квартиранты жили недружно, ругались и портили друг другу двери. Не было ни одной полной семьи в Голубом доме и ни одного рукастого мужика, что мог бы поправить крыльцо или вста-

вить стекло на общей лестнице. Брошенные мужьями прачки били своих детей и слушали Моцарта по радио. Бывшие заключённые пили водку и сносили в свои комнаты различное краденное барахло, что потом пытались продать. На первом этаже между тёмной лестницей подъезда и комнатой особенно часто пьющего и выпадающего из окон по этому случаю бывшего сидельца, жила семья Ильичёвых. Пребывали они в количестве трёх особей: дед, мать и Юра-школьник. Дед был без одной ноги до колена, которую потерял, подорвавшись на mine в войну. Нигде не работал, выходил редко, в основном сидел и смотрел в окно отворачиваясь от грязи грузовиков. Пенсию ему носили совсем маленькую и отчего-то не носили деньги ни за его ранение, ни за ветеранский статус. Будто не был он вовсе на войне. Мать, его дочь, за него на это бранилась и отказывалась готовить пищу. Дед особенно не возмущался, просто тихо каждый раз объяснял ей. Что он ветеран войны, которой ещё не было. Его забрали в будущее и там, на настоящей большой войне, ему оторвало ногу. Как бы подтверждая его истории, одновременно внося ещё большую путаницу, к деду каждую зиму приезжали однополчане. В такой день дом был полон еды и подарков. Мутные мужички о чём-то беседовали с дедом и негромко выпивали за стеной. Они оставляли горы бутылок, что мать потом сдавала за деньги, также и вещи, припасы. Привозили пальто деду, Юрке ботинки, матери платок или отрез ткани. За это мать прощала деду тунеядство временно, но с ходом года её недо-

вольство вновь копилось. Более всего её возмущало, что к деду не приходили сослуживцы в мае, не ходили пионеры из школы, соцобеспечение и прочие службы, приглядывающие за ветеранами Майской войны. Что в доме у них нет никакой символики Майской победы, ни одной льготы или пособия. Май дед ненавидел. В дни празднования Майской победы, ни гвоздика, ни ленточка, ни флажок не появлялись в квартире Ильичёвых. И хотя война была всего одна, все знали о ней, проходили в школе, дед служил на какой-то другой. Словно он всё придумал и на самом деле сидел в тюрьме, как большинство соседей Ильичёвых.

Мать работала уборщицей, в разных местах. В зависимости от места, где она трудилась, она обеспечивала небогатый дом каким-то особенным образом. Уборщицей в школе она приносила домой забытые детские вещи, перешивала их для Юры. Уборщицей в аптеке обеспечивала деда лекарствами недавно просроченными. Когда работала уборщицей в заводской столовой, носила кислое молоко и затвердевший хлеб. Когда Юра перешёл в среднюю школу, его мама устроилась служить уборщицей в проектное бюро откуда приносила бумагу для письма и редко карандаши и авторучки. Мать не любила ни дом, ни деда, ни Юру, но она ежедневно делала всё что полагается матери и дочери. Сухо, по минимальному объёму, но делала.

Юра был спокойным и тихим мальчиком. Отца своего он не знал, уважал деда и любил маму. Друзей почти не было.

Дома своего стеснялся. Старался меньше распространяться в школе, где живёт. Ребята говорили, что в Голубом доме живут «голубые». Так в городе называли мужиков, которые спали с мужиками. Это считалось очень позорно. Никто не видел голубых мужиков, не имел таких знакомых, не знал, как именно мужики спят с мужиками, но. Позор цвета распространялся на всех жителей дома во 2-м Огнеупорном переулке. Голубым называли и Юру дети в школе, и деда, проходящие мимо грузчики. Деду было всё равно, а Юра сильно конфузился и обижался. Дети – злые существа – они всегда находят кого обидеть. Со временем Юра увидел, что он может для всех голубой, но другой мальчик – засранец, третий – идиот и далее до самого каждого и всякого. К пятому классу Юра перестал обращать внимание на прозвище, тем более Голубой дом окончательно облез до серой подложки и только под самой крышей сохранилась полоска небесного цвета. Красить его снова никто не собирался, как и остальные дома переулка, школу, борта грузовиков или котельную. Вещи здесь имели один первозданный облик, который смертные люди не меняли до полного разложения.

Школьник Ильичёв не был отличником и успевал только по математике. Предмет этот казался ему совсем простым, нужно было только совершать действия с цифрами, ничего не читать и не учить наизусть. Можно было делать это в уме и не записывать, учителю сообщать лишь ответ. Позднее неплохо ему давалась физика и химия, но по математике он

определённо был лучшим учеником в своей параллели. Почти все остальные предметы, особенно русский, литература, география, история, не давались Юре. Он не мог читать книги страница за страницей, не понимал зачем объяснять на уроке характер героев повестей, не мог выучить стихотворение. Каждый год его неуспехи были причиной собрания учителей чтобы оставить Юру на второй год, на повторное обучение. Однако здесь на стороне мальчика оказывались два важных обстоятельства. Первое – именно математичка была завучем школы и принимала решение об отчислении или «втором годе». А математичка считала Юру талантом. Он не готовясь мог решить любое задание у доски. Решал задания из учебников старших классов. Он не видел разницы в сложности заданий, все цифры были для него одинаково понятны. Латинские буквы в математике он не понимал, но переименовывал их по-своему, вроде «крест» и «вилка», вместо икс и игрек, и так справлялся. Второй козырь также включала математичка. Когда все остальные учителя начинали объяснять, что Ильичёва нельзя перевести в следующий класс, завуч приглашала Юру в кабинет ко всем собравшимся и начинала такую беседу.

– Юра, скажи, пожалуйста, почему ты ничего не читаешь по программе литературы?

– У меня дома нет никаких книг, Вера Николаевна, – смущённый рослый мальчик стоял в центре учительской, – дед их порвал на папиросы, а новые мама не покупает.

– Юра, а почему ты не ходишь после уроков в школьную библиотеку? Там есть все необходимые книги.

– После школы мне нужно бежать к тётке обедать. Она не любит, когда я опаздываю. Я бегу до Центральной очень быстро, обедаю и потом уже возвращаюсь домой.

– А почему ты дома не обедаешь? – встревала какая-нибудь новенькая учительница.

– Дома мне дают только ужин. Завтракаю я в школе как малоимущий. Тётя Лена-буфетчица, раньше работала с моей мамой на фабрике, она мне даёт всегда двойную порцию и полдник в двенадцать. Обедаю я у тётки. Ужинаю с дедом-ветераном. Он мне своё отдаёт.

– Про тётю Лену это мы проясним, Юра, – перебивала зазвучавшая, – скажи нам почему вечерами не получается заниматься дома?

– Потому что мы рано выключаем свет. К соседям ходят вечером собутыльники из тюрьмы и часто путают окна. Могут в наше постучать или разбить, если свет горит и никто дверь не открывает. Стекла дорогие, мать выключает свет.

– Ну, что ж, уважаемые учителя, – после откровения ученика математичка чувствует победу над всей учительской, – есть ещё вопросы к Ильичёву?

Вопросов от учителей не было. Каждый год Юру переводили в следующий класс с неизменными пятёрками по математике и тройками по всем остальным предметам.

Про питание своё мальчик не врал. Бежать на Централь-

ную приходилось почти каждый день около получаса, километра три-четыре, в зависимости от времени года, от протоптанных дорожек, от силы ветра и глубины грязи. Тётка была бездетной и богатой, жила одна в двухкомнатной квартире и, главное, в центре, прямо с видом на серый широкий канал и мост. Если Юра опаздывал она воспитывала его отдавая еду своим трём кошкам, и он шёл домой голодным. С мамой Юры она не общалась и редко передавала какое-то простое сообщение, вроде «пусть будет здорова» или «передай ей поздравление с Днём рождения». Про деда тётка кажется и вовсе не знала. Бег до тётки кроме полного желудка принёс также в жизнь Юры пятёрку по физкультуре. Он так натренировался, что был лучшим в классе по бегу с препятствиями. Две пятёрки это в два раза больше, чем у него было до этого. Шансы закончить школу выросли.

День Юры часто заканчивался у кровати деда. Тот уже был пьяненький и учил внука жизни. Вещал, что может помочь во всём. Может абсолютно всё, так как знает жизнь, многое повидал ещё до рождения Юры. Говорил какую-то ерунду постоянно и много, и однажды Юра не выдержал и сказал:

– Дед, если ты так много можешь для меня сделать, сделай меня умным.

– Юрочка, внучок, я конечно могу тебя сделать умным, это просто. Но, мне поверь сейчас, тебе это не нужно. Если ты вдруг сейчас станешь умным, ты же жить не сможешь. Ты

же оглядишься по сторонам и всё поймёшь, в какой мы жопе. Какие люди вокруг, какое это всё... Юра, не надо тебе быть умным. Не сейчас.

Мальчик молчал. Он подумал, как бы поскорее уйти из комнаты к себе. От деда пахло спиртом и мочой.

– Но, Юра, я могу тебя сделать сильным, – дед сказал это весьма уверенно.

– Я тебе сделаю сильным, вот что тебе нужно. Достань-ка мои костыли из-под кровати.

Юра нагнулся и вытащил самодельные костыли деда, которыми он мало пользовался. Две металлические трубы с прикрученными ручками.

– Смотри, внук, какой металл. Это тебе не ржавая перила в школе. Смотри, возьми в руку, какая лёгкая и тёплая, да? Это с войны.

Открути вот здесь ручку эту и вставь палку в коридоре в те дырки, где была раньше труба отопления к соседям. Будет тебе перекладина для подтягивания. Каждый раз когда будешь под ней проходить ты должен подтягиваться столько раз сколько сможешь.

– Ну, дед, – занял Юра, который мог подтянуться только один раз, – я думал ты серьёзно сделаешь меня сильным.

– Сделаю, Юра, сделаю. Иди вешай.

Мальчик удивительно легко вставил костыль-перекладину в дырки стены чуть выше чем его вытянутые руки, и пообещал деду, что будет подтягиваться всегда, проходя под

ней. Сам же ушёл к себе немного обижаясь на пьяного деда.

Дед тем же вечером много раз напомнил о себе, даже ночью звал тихонько Юру, чтобы не будить мать. То ему нужно было воды, то поправить подушку, то открыть, то закрыть форточку. Юра послушно выполнял просьбы старика. И каждый раз вынужден был дважды проходить под перекладиной, в комнату деда и назад. Каждый раз выполнял своё единственное подтягивание. В четвёртый раз с большим трудом. Дед с постели подглядывал и советовал: «Уже возмись», «Шире бери», «Выдыхай вверху». И тех пор дед словно заболел. Просьб к мальчику становилось всё больше. Дед и одеться сам не мог и ложку ронял под кровать и прочее. Юра пока был дома стал словно на побегушках прислуживая деду. Немного обиженный на то и достаточно упрямый, он радовался, что прежде чем помочь одноногому деду, сначала змеёй ковыряется на турнике, а дед ждёт. То же повторялось при сборе в школу, при встрече матери с работы и до, и после похода в туалет. Оказалось, что мимо костыля Юра проходит в день так много раз, что руки его просто отваливались к ночи. Когда у деда заканчивались просьбы, он звал Юру просто поболтать, рассказать историю.

– Знаешь вот, Юра, отчего мы Ильичёвы? Задумывался когда-нибудь?

– Нет дед, у меня все мышцы болят, мне не хочется думать.

– А вот я тебе расскажу. Прадед твой был детдомовец.

Откуда на свет появился никто не знает. Вырос в детдоме, в коллективе, а как выходить в мир стали ему документы давать. А какую фамилию записать? В то время диктатором был Ильич. В знак уважения детей из интернатов, разных детдомов, кто без документов, называли по-новому. Дали твоему прадеду фамилию новую – Ильичёв. Знай это. Ну, иди к себе, я может быть ещё тебя позову.

Или в другой раз так.

– Прапрадед твой, Юра, знай, был пчеловод. Жил в глухой деревне, такой глухой, что даже фамилий там у людей не было. Прозвища одни. И звали твоего предка все Ульин. Ульи у него были знатные и мёд богатый. Как пришла новая власть, прислали переписчика из города. Тот всё перепутал от местной самогонки и записал прапрадеда Ильиным, вместо Ульина, как тот хотел. Когда же пострадавший добрался до уезда жаловаться на новый неверный документ, то нарвался там на ещё большего пьяницу-писаря. Тот исправил ему Ильина на Ильичёва и выгнал, грозя милицией. Так и пошли мы с тобой Ильичёвы. Помни эту историю, Юра.

Дед слегка ухмылялся с густые усы, которые вероятно никогда не стриг и не брил. Юра тащился в свой угол неизменно считая по пути свои подъёмы к потолку на перекладине. Так дед сделал домашний досуг внука разнообразнее. От усталости и небылиц деда Юра крепко спал и с аппетитом ел у буфетчицы Лены утром в школе, не забывая второй раз встать в очередь с пустой тарелкой.

Шло время, обычная смена школы и летних каникул. Перетаскивание Юры из класса в класс с пятёркой по математике. С обветшанием дома и углублением колеи в переулке от большегрузных машин, которые возили пустоту, грязь и дым всю свою рабочую смену. С ростом морщин у матери, которая перешла уборщицей в роддом и стала приносить какие-то пелёнки и тряпки и затыкать ими дырки в стенах квартиры и в оконных рамах. Юра тем временем, отметил, что его одноклассники и старшие мальчики стали соперничать за внимание девчонок, не давая тем прохода и оказывать самые разные знаки внимания. Ильичева девочки совершенно не интересовали. Все девочки в классе были очень некрасивыми, сопливыми и грызли ногти. В Голубом доме не жила ни одна девочка. Казалось, что в школу их привозят на автобусе из какого-то спецрайона некрасивых девочек. Юра видел пару раз симпатичных по пути на бегу к теткинскому обеду, но рассмотреть не успевал. Ему могло и показаться, что они красивые. Юра не разбирался в отличии от других мальчишек. Те спорили и толкались, всё чаще возникали потасовки из-за того, что кто-то говорил пошлые шутки про определённую одноклассницу. Юре было всё это фиолетово. Однажды ему пришлось высказаться кто самая красивая, его попросту прижали к стене четверо старшеклассников в школьной раздевалке. Ильичёв не знал правильного ответа, потому просто оттолкнул одного из ребят и тот упал. Началась драка, в которой к своему удивлению Юра

победил, побив всех. Тех, кто пытался убежать он догнал и побил второй раз. Тех, кто привёл на завтра старшего брата он побил в третий раз и брата тоже. Тех, кто подкараулил его вечером у Голубого дома с кастетом, он побил в третий раз под улюлюканье деда и алкашей, торчащих из окон. Все ребята много кричали, прыгали, ругались, но им хватало всего одного удара чтобы заткнуться. Оказывается, драться это так просто. Уходя с той первой драки в раздевалке, Юра подпрыгнул, схватился за трубу отопления проходящую над дверью и подтянулся пятнадцать раз. Такой сильный испытал прилив энергии после успеха. Он мог бы и больше, но труба была горячей, и он подтянулся столько сколько мог терпеть. Юру стали обходить стороной все ребята. Ему стали улыбаться некрасивые девчонки даже из старших классов.

Какое-то время спустя, внук пришёл к своему деду поблагодарить.

– Деда, проснись, похоже ты сделал меня сильным. Спасибо, дед.

– А я не сплю, Юра, просто глаза закрыл. Поверил мне?

– Да

– Хочешь для тебя ещё что-то сделаю?

– Да. Дед, сделай меня умным. Боюсь в девятый класс меня не переведут. Училка по русскому говорит, что я дебил.

– Не слушай никого, сами они дебилы. Слушай деда. Дед тебе говорит, рано быть умным. Если сейчас поумнеешь...

– Ну, дед...

– Если сейчас поумнееешь, жить дальше не сможешь, пить начнёшь или другие глупости делать. Жизнь для умного тяжела. Сплошь печаль. Оставайся какой есть.

– Ну, дед...

– Хочешь богатым тебя сделаю?

– Э-э... Богатым, это дед, мне кажется ещё сложнее, чем умным. Давай. Сделай. Не верю пока я тебе что-то.

– Ну, зря не веришь, достань-ка мой второй костыль. Со всем я мало выходить стал, не нужен он мне.

Юра вытащил из-под грязных вещей матовую трубку с ручкой, того лёгкого и прочного металла, что дед привёз из будущей войны. Из неё можно было бы сделать ещё одну перекладину.

– Открути, Юр, тут и тут, сними этот верх. Он разбирается. Видишь ходит туда-сюда?

Второй костыль состоял из нескольких вкручивающихся друг в друга частей. Юра разобрал его, оставив среднюю часть, как велел дед. Получилась небольшая палка-трубка сантиметров двадцать пять длиной, очень удобная в руке.

– Теперь смотри, внучок, – дед взял своей всё ещё большой и сильной рукой палку, сегмент костыля, и резко махнул ей в сторону. Из трубки тут же выехала вторая труба и со щелчком зафиксировалась. Палка стала вдвое длиннее, но осталась такой же лёгкой и удобной. Нажав в середине на торчащий шарик, дед легко сложил трубку снова.

– Бери, она сделает тебя богатым.

– Как, дед? Мне что, ей бить кого-то и отбирать деньги?

– Ну что ты, Юра, иди просто в центральный район и покажи её парням. Они сами всё сделают.

Юра молчал, но трубку забрал. Чтобы мамка не увидел спрятал её в рукав. Как раз по длине и легко оттуда выныривает. Никто не догадается, что у Юры в рукаве есть палка.

– А говорил ли я тебе, Юра, отчего мы прозваны Ильичёвы? Нет? Тогда слушай.

Юра смотрел в окно. Он редко бывал в центральном районе и не имел представления как ему помогут там парни. В последнее время, говорили, что в центре все с ума сошли по звофонам, что даже пиво не пьют, только со своими звофонами и ходят. С ними и разговаривают. Что им раскладная труба?

– Прадед твой был не из этих мест. Звался он Ильиддин. Это означало на родном для него языке «святой человек». Когда переехал он в Россию, как раз власть снова поменялась и решил он под это дело сменить паспорт. Времена такие были. Чтобы старое ему никто не припомнил, хоть и святой человек, но не без греха видимо жил. Заменяли ему документ на фамилию Ильин, похоже чтобы было, без нарушения. Но прадед твой после узнал, что Ильин, это в честь Ильи-пророка. А для родича твоего не было другого пророка кроме Магомета, так что он обратился повторно и за взятку поменял паспорт вновь. Ему кое-как выправили Ильина на Ильичёва. Иначе не выходило в конторе. Такие дела. Мы, конечно, с

тобой не верим ни в каких пророков, но знай свою историю. Детям своим передашь.

Юра подтянулся в коридоре и ушёл в свой угол. За окном проехал свет фар, близилась ночь. Решил, что если дед позовёт ногу почесать или там воды принести, то расспросит его лучше о войне.

В новый день после обеда у тётки Юра не сразу пошёл из центра домой на 2-ой Огнеупорный. Вместо этого шлялся до темноты разглядывая витрины с самокатами и костюмами. Смотрел нет ли красивых девушек. Нет ли мелочи под ногами. Так и бродил пока не нашёл действительно кем-то обронённую монету, на которую купил мороженное. Простое белое. Было оно таким вкусным и так редко попадало к нему в рот в жизни. С наступлением темноты на улицу вышла местная молодёжь со звофонами. Их было легко различить. Каждый держал звонофон в руке и что-то показывал в нём другим. Золотистый свет экранов попадал на лица и было видно, что все в восторге от чего-то. Компании по три-четыре человека как светлячки бродили по улицам с музыкой. У дорогих моделей свет был более золотой, у тех, что проще – более белый. Юра выбрал компанию из четырёх по виду студентов в проулке между двумя магазинами. Подождал пока они зайдут вглубь проёма между домами прячась от ветра и останутся, смеясь и тыча пальцем в один из приборчиков в руках. Юра заслонил собой выход к улице и кашлянул, привлекая внимание.

– Смотрите, что у меня есть, – произнёс старшекласник и из его рукава мягко выползла матовая трубка. Затем он сделал резкий взмах ей в сторону и трубку удлинилась, прозвучал металлический щелчок. Юра далее стоял молча и неподвижно. Его чёрный контур подчёркивал свет с улицы.

Четверо заметались, наступая на мусор и друг другу на ноги. Никто из них не полез в драку, никто не позвал на помощь. Они прижались к стене и выставив руки со своими светящимися звофонами в направлении Юры пытались двигаться к улице. Ильичёв взял по очереди каждый из золотистых устройств свободной рукой и выпустил всех. Затем он сложил трубку и побежал в другую сторону. В чужом подъезде он осмотрел звофоны. Они не светились, если их не трогать и не звонили как обычные телефоны. Одна стороны звофона была стеклянной и в ней как в телевизоре бегали изображения. Они Юру не заинтересовали. Там были всё те же некрасивые девчонки, машины брызгающие грязью на пешеходов, Майская война и прочая чепуха о которой Юра и так прекрасно знал. С обратной стороны у приборчиков ничего не было. Он догадался как выключить все звофоны кнопками на боку и сложив в карман пошёл домой. Перестав светиться приборчики превратились просто в странные прямоугольники.

Утром в школе он подошёл к самому авторитетному человеку школы, обитавшему в подвале в камерке за огромным фрезерным станком. Трудовик осмотрел звофоны и сказал,

что возьмёт их «по пятьдесят». Юра кивнул и оставил все четыре. На следующий день трудовик вызвал его с урока химии и передал свёрнутую газету «Школьная жизнь»: «Дома посмотришь, здесь не открывай». Ильичёв сдержал обещание сохраняя газету в портфеле. В Голубом доме уже вечером обнаружил в ней мятые купюры на общую сумму сто пятьдесят билетов банка и маленькую записку химическим карандашом: «один был плохой выкинул». Ильичёв спрятал сотню под подоконник, а на остальные решил купить маме еды. В ближайшем магазине ничего кроме овощей не было, он дошёл до нового большого с витринами и гирляндой на входе. Купив колбасы и консервов Юра был собой доволен. Но радость немного ушла, когда он зашёл в магазин звонофов. Самый дешёвый приборчик с неярким экраном и кнопками стоил пятьсот. Юра что-то почувствовал у себя внутри, заволновался и понёс пакет с колбасой домой.

Дед ел кусками, не жуя и запивал из горла. У него был целый склад бутылок от однополчан и никак не заканчивался. А вот колбасы не было и Юрин занос дед оценил. Юра с ним не пил. Он глубоко дышал после очередного прохода под турником. Ему хотелось чтобы скорее наступил следующий день после обеда у тётки.

– А, Юра, подай мне хлеба. Кстати, знаешь, отчего ты Ильичёв?

Юра подал горбушку батона.

– Знаю, дед, ты сто раз рассказывал. Илья, там, пророки,

пчёлы.

– Не-е-е-т, по правде говоря, прапрадед твой, хулиган был знатный в Петербурге. На любой смешок в его сторону, на любой недобрый взгляд отвечал: «И чё?». А потом сразу в морду ррраазз! Понял? И чё? Ичёв-Ильичёв. Ха-ха. Скоро богатым станешь, вот вспомнишь мою историю.

– Дед, расскажи лучше про войну, где ты ногу потерял. Все же знают, что ты не был на Майской войне и медалей у тебя нет, как у всех ветеранов. Скажи правду, дед. Я уже большой, хочу знать.

– Юра-Юра, мне нечего скрывать. И тебе, и мамке твоей, я всегда правду говорил. Взяли меня в молодости на войну, что ещё не было. Как бы в будущее, понимаешь. Там я воевал. Вот мои друзья зимой приедут, я тебя с ними познакомлю, подтвердят. А нога, что нога. Там понимаешь, оружие другое было. Были такие подземные приборы. Подкрадывались и бах. Как мина, только бродит по полю под почвой по ночам. Ими управляли издалека. Ко мне такая подкралась и бах! Оторвало по колено. Мне потом в госпитале подровняли хирурги и вот те костыли удалось спереть. Подай мне ещё колбасы. Потом меня вернули в наше время. Вот и вся история.

– Дед... хватит заливать. Ты ветеран войны, которой ещё не было?

– Юра, я не вру. Пойми. Будущее оно рядом. Тебе кажется, что ты всё время в настоящем. Но нет. Всё что делаешь

сейчас это ты делаешь с прошлым сразу для настоящего и будущего. Вот хлеб отрезал. Прошлый хлеб прошлым ножом и сейчас имеешь настоящий кусок. Но и в будущее отрез пошёл, понимаешь. Хлеб твой в будущем порезан. Он в будущем целым не станет. Кто с прошлым мутит, тот будущее режет.

– Дед... Ешь больше. Пей поменьше, мать ругается.

Юра стал регулярно совершать променад по центральной части города, вдоль канала и ходил за мосты. Он не торопился и не посещал одни и те же места дважды. Большой город позволял выбирать. Скрывал лицо шарфом или капюшоном. В драку не лез, если что-то шло не так просто убегал. Догнать его никто не мог. Практически каждый раз после того как люди слышали щелчок трубы, они отдавали свои звофоны и уходили. С трудовиком тоже наладилось. Юра двинул ему в живот так, что трудовик сложился пополам и долго лежал на полу за станком. С тех пор за золотистые трудовик приносил сто пятьдесят, за те, что с белёсым светом по семьдесят пять. Юра не покупал колбасу или фрукты дважды в одном магазине, не рассказал в классе про свои прогулки, не взял звофон себе. Только дед всё знал. Или почти всё. Ильичёв стал не только сильным, но и богатым. Заначка не помещалась в тайнике под подоконником, он перенёс её в щель на потолке над перекладиной. Чтобы попасть туда придётся подтянуться на одной руке и второй залезть между досок. В Голубом доме это может сделать только Юра.

Зачем копить деньги Юра долго не знал. Пока однажды деда не забрала скорая помощь и он не вернулся из больницы без второй ноги. Вторую ему ампутировали по самую мошонку из-за заболевания сосудов. Деду назначили девять видов таблеток, также ему требовалась сидячая коляска. Мать после возвращения деда тоже заболела. Постоянно хваталась за сердце, почти не разговаривала ни с кем. Попивала какие-то микстуры на кухне от которых пахло травой и спиртом. Юра сразу и потратил почти всё на запас лекарств, коляску, специальные впитывающие трусы для деда, потому что он начал писать в постель. Так Юра незаметно, в свои шестнадцать с половиной лет оказался главным добытчиком еды. Ходил в магазин и на вырученные с продажи звоноффов билеты банка брал то, что обычно покупала раньше мама. Она совершенно не интересовалась жизнью ни сына, ни деда. После своих микстур спала крепко и начала пропускать работу. Как-то раз Юра догадался, что она и вовсе нигде не работает. Может уволили, может сама ушла. В квартире перестали появляться новые тряпки из роддома, никто не заделывал щели в стенах. Настроения это не прибавляло и Ильичёв уходил в центр города, туда, где светились в раннем вечере осени золотые приборы в руках пугливой молодёжи.

В один из таких вечеров к общей печали Юры добавился дождь и порвавшийся ботинок. Всё-таки надо и на себя тратить деньги, ботинки покупать новые, к примеру. Нога стала мокрой, спина стала мокрой, голова, а подходящие вла-

дельцы золотых коробочек всё не находились. В конце концов Юра остановился у машины с громкой музыкой рядом с которой разговаривали и курили трое молодых мужчин. В их руках и карманах угадывались звофоны, но они не были ими очаровали как другие, а просто разговаривали о своём. Дождь только что прекратился и Юра счёл это знаком достать свою трубу. Но мужчины не сдали ему коробочки и не убежали. Они атаковали парня, завязалась тугая напряжённая возня, борьба, закончившаяся в луже и грязи. Юра не сдавался и все трое получили от него тяжёлые удары. Лицо его было мокрым то ли от крови, то от луж, но отступить он не собрался. Выбираясь из очередного захвата, он вспоминал деда, что наверняка тоже ходил в рукопашную на будущей войне. «Он смог, я смогу, мы – Ильичёвы», – пыхтел Юра пытаясь оторвать ухо одному и дать под дых второму. Через минут десять непрекращающейся битвы, все в грязи, четверо дерущихся оказались сидящими на земле, каждый в метре друг от друга. Трое людей из машины не могли отдышаться. Юра чувствовал, что пришёл момент последней атаки и он победит. Четверо чумазных и злых смотрели на истоптанную грязь вокруг. Один из сидящих прислонился к бамперу и заговорил:

– Малец, ты здоров, здоровый как кабан, ни схватить тебя, ни ударить. Откуда ты такой? – не дождавшись ответа, мужчина сплюнул кровь на землю и достал из внутреннего кармана пистолет.

– Всё. Поиграли и хватит. Ты нас уморил. Сиди, где сидишь, рассказывай, кто такой, – пистолет был направлен прямо на Юру.

– Юра, со 2-го Огнеупорного.

– Лет тебе сколько, Юрец с Огнеупорного? У кого работаешь?

– Семнадцать скоро, в школе учусь. Ни на кого не работаю.

– Мужики, ему семнадцать. Это катастрофа. Нас троих валял. Правда, мы усталые после работы. Юра, хочешь с нами работать? Бизнесом заниматься?

– Я бы хотел подробнее узнать. У меня до вас всё хорошо было. Школа, колбаса.

Мужики как-то добро засмеялись и оказалось, что не в обиде они на грязь на одежде и на тумачи. И всё превратилось в какую-то игру. Один протянул руку Юре, другой помогал встать. Третий спрятал пистолет. Они вместе сели в машину и поехали в загородный дом с рестораном. Там Юра умылся в красивом туалете и вытерся белейшим полотенцем, которое держал на выходе нарядно одетый седой мужчина. Таким белым полотенцем, что невозможно было представить. Потом все долго ели и пили. Но Юра спиртное не выпивал. Он был очарован женщинами, которых в ресторане оказалось штук двадцать. Каждая была во много раз красивее самой милой учительницы и самой популярной одноклассницы. Они смеялись и пели, танцевали, ходи-

ли туда-сюда. Они совершали множество мелких движений ресницами, бровями, руками, совершенно приковав взгляд Юры. Девушки трогали мышцы Юры, его синяки, приносили еду и всё было как в самом прекрасном фильме про богатых, который школьник смотрел в видеосалоне.

Ильичёв начал работать на трёх молодых мужчин с машиной. Трудовику он ничего не сказал, только показал ему трубу для лучшего взаимопонимания. Работа Юры была несложной. Ему выдали звофон и сообщали по нему куда и во сколько приходить. Он прибывал по адресу, никогда не опаздывая и брал на месте у человека деньги. Часто это был полный целлофановый пакет денег, реже небольшая коробочка или пачка скреплённая резинкой для волос. Все люди, что отдавали Юре деньги были очень взволнованы и несчастны. Плакали или изо всех сил старались не заплакать. Юра не спрашивал в чём суть. Иногда говорил, что всё кончится хорошо, когда случалась особенно тоскливая пауза. Деньги у Юры забирали позже в другом месте. Бывало так, что он бродил по городу с пакетом денег часами и рассматривал через окна как живут люди. В будние дни все четверо встречались в тренажёрном зале. Мужики научили Юру качаться со штангой и гантелями, делать правильные упражнения чтобы мышцы росли ещё лучше. Учили боксировать с грушей висящей крюке вбитом в потолок. Кормили мясом после и дарили всякие протеиновые батончики. По пятницам все собирались в загородном ресторане, где отдавали Юре его зар-

плату. Билетов банка хватало и на лекарства, и на продукты, и на новые кроссовки. И всё было очень хорошо пока девушки в ресторане не рассказали Юре ужасную правду.

– Ты такой хороший, нам так не хочется тебя потерять, Юрик, – говорили они чаще и чаще.

– Тебе же скоро восемнадцать, в армию заберут. А там тебе выбьют зубы и сделают голубым. Нам так тебя жаль. Жаль, жаль-жаль нашего Юру...

Юра переспросил у троицы, так ли всё как говорят девицы. У троих соратников мнения были разные на счёт армии. В целом, никто такой девичий сценарий исключить не мог. Каждый рассказал какую-то свою дополнительную страшную историю неизменно кончающуюся фразой «лучше бы я поступил в университет...». И то, что ни дед, ни троица армию сами, без наводящих вопросов не вспоминали, Юру огорчало.

К тётке Юра ходить перестал. Она болела, кошек стало уже шесть и её помощь была не нужна. Ухаживать за ней и благодарить Юра не захотел. За что благодарить? За вечное понукание и за быстрый бег? Лишь однажды принёс ей огромный пакет конфет и букет крохотных дефицитных хризантем, и сообщил, что будет теперь заходить редко. Освободившееся время уходило на работу и нечасто на заботу о матери. Та, как и дед пила уже в открытую и из дома не выходила. Не стирала и не готовила. Набиралась по утрам сил поругаться с соседками, а чаще просто спала пьяная полдня.

Дед сильно сдал, но виделся Юре всё ещё важным человеком. За советом Ильичёв пошёл не к новым друзьям на машине, а к деду-ветерану.

– Дед, может сделаешь меня умным? Может пришёл этот день? Дед?

– Может и пришёл. А зачем тебе умным быть?

– Дед, меня после школы в армию заберут. Я если умным стану в университет поступлю, оттуда не заберут. Про армию все плохо говорят, я туда не хочу.

– Хм, Юра, знаешь...

– Деда, помоги, сделай умным. У тебя же всё получалось раньше. Дед!

– Юра. Армии бояться не надо. Ты в армию просто рядовым не ходи, ходи офицером.

– Это как, дед?

– Иди сдавать экзамены в офицерское училище, поступишь, пойдёшь в армию с удовольствием и за деньги.

– Ты сделаешь меня умным чтобы поступить? Это скоро уже.

– Да, Юра, найди у меня в чемодане кошелек такой небольшой, похож на футляр для очков. Там возьми мой значок. Покажи, какой нашёл?

Юра быстро доставал барахло деда из шкафа, с антресоли и из-под стола пока не вытащил небольшой мягкий чемодан. В нём была гора носков, совершенно теперь деду ненужных, также тапки и вязаный свитер с дырками от моли. В боковом

кармане лежал футляр.

– Вот он, здесь, дай мне ту штуку, – дед открыл защёлку и положил в ладонь Юре небольшой значок. Внук увидел в этот момент какая разница между некогда могучими кулаками деда и его кистью. Теперь всё было наоборот. Сухая трясущаяся белая ладонь с крупными костяшками от деда и мясная розовая кувалда-кисть от внука. На значке была изображена толстая молния и не было никаких надписей. Значок крепился не булавкой, а имел штырёк с резьбой. Им следовало проткнуть одежду и в внутренней стороны закрутить небольшую гайку.

– Пойдёшь на экзамен, нацепишь и будешь самый умный, внучок. А подай-ка мне стакан вишнёвой настойки за это дело, принесёшь? – дед поднялся на локтях повыше. На оконное стекло прилетела грязь от громкого грузовика. Мать что-то уронила за тонкой стеной на пол. Внук придвинул деду табуретку с тёмно-красной жидкостью в бутылке.

Школа кончилась где-то между исчезновением последнего грязного сугроба под окном и появлением новой модели звонка с зелёной подсветкой. Аттестат Юра получил не без проблем. Придумали комиссию, писали заявления, в школьном зале играли вальс и Юре пришлось танцевать с математикой. Присутствовала какая-то взаимность в расставании его и школы. Он устал прощать ей несоответствие реальности, она устала от его прогулов и молчания на всех гуманитарных уроках. На выпускной Юра не смог пойти, умерла

тётка. Его попросили выгнать кошек из квартиры и кое-что принести домой на Огнеупорный. Сама квартира Юре не доставалась. У тётки был более успешный племянник в Литве. Якобы он уже мчался в поезде вступать в права. Юра вынес из квартиры всё, что только смог забрать за три поездки на такси. От кошек избавился. Он вообще не понимал домашних животных поскольку вырос в постоянном дефиците еды. Ведь их же ещё и кормить надо, так думал Юра, глядя на собачек или кошечек с хозяевами в центральном районе. Такой расход был ему непонятен. Даже безногий дед и спившаяся мать приносили пользу. Советовали, протирали что-то. Но кошки и собаки... Странные бывают люди, кормят тех, кто не нужен ни за чем. Распределив вещи тётки в Голубом доме, многое подарили алкашам-соседям, Юра начал проходить медкомиссию и подавать документы в офицерское училище. Экзаменов он ждал со страхом и каждый день по два раза проверял на месте ли дедов значок. У соседки-прачки он смотрел телевизор обращая внимание на какую сторону груди обычно прикрепляют важные значки. Судя по телесериалам и новостям, всё важно чаще носили слева. На эту сторону и Юра привинтил свою «молнию».

Вышло так, что самыми сложными вступительными испытаниями на курсанта оказались подтягивания, бег и математика. Юра был не просто смущён, он недоумевал. Легко справившись со всем, он куда как спокойнее пошёл на второстепенный экзамен «Русский язык». Но и там, что-то пошло

правильно и гладко. После того как Ильичёв положил экзаменатору на стол исписанные листы изложения, к нему подошёл бочкообразный полковник. В полголоса спросил откуда у Юры значок. Имелся ввиду значок с молнией на рубашке Юры. Абитуриент рассказал, что это от деда-ветерана на удачу. Полковник не спросил ветераном чего являлся дед, а только приказал ждать его на КПП и забрал себе Юрину экзаменационную работу из общей стопки. На КПП полковник не пришёл. Через час туда прибежал прапорщик и узнав Юру по значку всучил тому полный вещь-мешок каких-то консервов, папирос, бутылок и колбасы. Сверху к материи была булавкой прикреплена записка: «Деду-ветерану от своих». Прапорщик убежал в часть. Юра побрёл на автобус с ношей.

Дома разбирая добротный мешок пошла между родственниками такая беседа.

– Дед, а ты того полковника знаешь? – тряс мешок Юра, – Он тоже из будущего?

– Может знаю, может не знаю. Всех не помню. Значок-то тебе помог? Стал умным?

– Результаты объявят в среду, надеюсь, что помог. Спасибо, дедушка. Я давно хотел спросить, а с кем ты воевал там, в будущем?

– С русскими, – дед сплюнул прямо на пол.

– Как с русскими? Мы же русские сами.

– Да, Юр, и мы русские и они были русские. Такая будет

война в будущем.

– А как вы отличали своих от чужих?

– Нам приборы помогали эти, ваши звофоны, как у тебя на поясе сейчас. Наводишь на рожу и видно. Свой или чужой.

– Так ты про звофоны знал ещё когда я маленьким был?

– Знал, забыл только как они называются. Появились – вспомнил.

– Дед, а ты за наших русских был или за ненаших? Кто победил?

– А ты как думаешь, Юр. Стал бы я тут без ног в бараке коротать если бы мы победили? Как всё закончилось, меня из будущего сюда выкинули.

Юра не знал, что можно ещё спросить, чтобы не расстроить деда и наступила тишина.

– Лучше послушай, что я ещё вспомнил. Прадед наш в цирке выступал. Под именем Самсон Силачёв. Гирями жонглировал, подковы гнул, по две барышни на руках носил. А как время жениться пришло, оказалось, паспорт у него украли. Для нового паспорта он по совету будущей жены сменил фамилию и имя на Антона Ильичёва. С тех пор у нас такая фамилия, а могли бы Силачёвыми ходить, представляешь?

Юра молчал, о чём говорить после новости, что русские воевали с русскими. Вернее будут воевать. Путаница какая-то. Он попробовал покормить деда супом, но того вырвало. Оставил ему на табурете и ушёл к маме. Она его не узнала и стала кричать чтобы он закрыл дверь. Юра закрыл

и положил ей рядом с входом башню из консервов и варенья. Подтянувшись на перекладине двадцать пять раз, неспешно, с выдохом в верхней точке, Юра решил спать до среды когда будет точно известно умный он теперь или нет.

Учёба в офицерском училище ему понравилась. Во-первых, не нужно было собирать деньги по адресам, приятели по бизнесу из ресторана оставили его вскоре. Они нашли нового помощника и подарили Юре на память банку икры. Во-вторых, думать не нужно было ни о каких бытовых вещах. Совсем ни о чём. Его кормили, одевали, обували и развлекали. В частности, впервые Юра побывал в театре и цирке. Появилось время думать о разном, делать расчёты. В-третьих, Юра впервые увидел уважение людей к друг другу. Кого-то уважали за звание, кого-то за умения. Курсанты не боялись и не лебезили, они соблюдали правила и уважали. Юру тоже стали уважать. За силу, за богатство, которым он поделился в казарме, за его ум, за икру.

Появилось свободное время для посещения секций и кружков, которых Юра в школе никогда не знал. Там, на дополнительных занятиях, Ильичёв придумал соединить фанерные модели самолётов и звофон, и управлял этой игрушкой по второму звофону с расстояния. Затем вынул из звофона всё лишнее и прикрепил только внутренний чип, так хватило места и веса на учебную гранату, которую самолётик катал над полигоном. Затем ему стало лень постоянно быть на связи голосом с фанерной штукой, он заранее программи-

ровал сообщениями звонфона полёт игрушки. Типа 1 – набор высоты, 2 – левый поворот, 3 – отпустить учебную гранату. Имея карту местности, и зная, где расположены вышки связи Юра задавал фанерке с моторчиком маршрут на малой высоте в обход зданий, посылал сообщение и затем час мог ничего не делать, а только смотреть за исполнением. Математика, не более того. Преподаватели-офицеры уважали курсанта за это. Бывало, что его освобождали от караула или чистки картошки чтобы он показал новому полковнику как самолётик переносит гранату через всё училище. После поездки на олимпиаду в Саратовское офицерское училище, Юра улучшил игрушку. Подсмотрел на встрече у другого курсанта проект и переделал моторчик. Теперь самолёт стал вертолётom и так управлялся лучше, мог зависать и ждать нужного момента. Юре дали только третье место. Второе получил курсант, придумавший как скоро сушить солдатские носки. Первое место дали за новый рецепт каши для полевых условий. Юра не расстроился, но решил показать, что у него в запасе есть ум. Он изучил ход силовых линий от АЭС и зоны связи, наложил это на карту ветров и учёл вращение земли. Его вертолётик полетел из Саратова домой сам отдельно, а Юра поехал на поезде отдельно. На пересадке в Москве он позвонил в училище попросив забрать игрушку, которая по его подсчётам должна была упасть в определённом месте. До училища топлива не хватало всё равно. К прибытию Юры его ждал вертолётик у постели и перевод в училище в Под-

московье, которого почему-то не было на карте всех училищ в коридоре на стене перед знаменем части.

Там, уже после смерти деда, Юра придумал как совместить звофон и механического крота чтобы он мог доставлять мины под почвой к вражеским окопам. Вспоминая рассказ деда курсант всё улучшал и улучшал своего крота. Заряда для бура не хватало и Юра не мог понять как обеспечить донос гранаты на такое большое расстояние под землей. Пока не догадался использовать ультразвуковой датчик направлявший крота в наименее плотную почву. А часто просто по ходу уже прорытых зверьками нор. Потом пришла идея про пропеллер-рыбу, что так же умела носить учебную гранату по реке к мостам. После рыбу-трубу, которую запускали по канализации для доставки груза в городах. Теперь гранату можно было доставить к любому конкретному унитазу чтобы ликвидировать определённого врага. Юра учился с интересом и с уважением. Ильичёв не поехал на похороны и не вступил в наследство квартирой в Голубом доме, которую ему завещал дед. Его семьёй и домом стала армия, такая нестрашная и уважающая человека. Ильичёв стал лейтенантом, а потом старшим лейтенантом. Только после подмосковного училища служил он не общих войсках, а в специальных. Ему разрешалось ходить без формы и иметь свой звонофон, снимать квартиру в ближайшем городке и навещать красивых девушек там. Хоть они не были такими уж прекрасными как в том ресторане в родном городе на серой

реке. Новой весной, всё такой же без цветов, насекомых и птиц, начальство попросило Юру сходить в отпуск. Намекнули, что скоро будет перевод в другую часть и отдыхать долго не представится возможности. Ильичёв собрал дипломат и поехал смотреть на мать в Голубом доме. Навестить могилу деда.

После нескольких лет обучения и последовавшей службы родной город показался Юре меньше и пыльнее, чем в детстве. Пустые клумбы захватила крапива, чьи беленькие и жёлтенькие соцветия теперь принимали за прежние декоративные цветы. Кое-какие мухи и шмели вились над ними. Кое-какие воробушки купались в окурках и тополином пухе. Насекомые перешли на поедание отходов человека вместо пыльцы и нектара. Некоторые городские птицы смогли есть этих новых тяжёлых грязных мух и кузнечиков. Природы пыжилась восстановить баланс. Грузовики перестали возить по улицам брызги и вонь, стояли и гнили в тупиках переулков. Школьники сливали с них топливо и жгли кошек. Река и мосты жили отдельной судьбой от города. Абсолютно не меняясь они следили как вода адсорбирует говно и зло людей, и ночами уносит в чужое море. В той далёкой и неродной стороне, судя по телевизионным передачам, вода была отчего-то синей, как и небо. Хотя всё говно текло к ним по закону гравитации и логики. Или всё-таки оседало здесь, в городе мостов?

Юра присмотрелся к Голубому дому. Вряд ли его можно

было назвать таковым. Скорее Гнилой дом. Цвет полностью утерян, а приобретена ржавчина петель дверей, дыра в фасаде и скамейка со слепой бабой в платке. Перед подъездом было стихийное кладбище кошек с алюминиевыми мисками и серыми фотографиями. Дом и его окрестности умирали. Мать не узнала сына. Сын узнал её с трудом. Она оказалась толстой, с язвой на лодыжке, пьяной и полу-глухой. Повязка с язвы сползла и напоминала носок. Из него торчал подо-рожник. Юра давно уже не мог мысленно представить как выглядит мать, не имел её фото в звофоне, не слышал голоса. Больше всего он хотел посидеть в комнате деда, что-то вспомнить. Больше всего боялся, что там окажется спальня пьяной матери или новый жилец. Разговора не получилось. Свидания не вышло. Мать начинала голосить при каждом обращении к ней, подбирала свой жировой фартук руками и бегала по комнате крича и плача. На её подоконнике вместо склянок с сердечными каплями стояли пустые бутылки из-под ликёров. Одна штора была сорвана, вторая просвечивалась от дыр, оставленных горящими сигаретами, словно кто-то стрелял из пулемёта. Юра устал пытаться поговорить с мамой и ушёл из её коморки.

Юра выбрал среди старых прачек дома самую здоровую и дал ей денег чтобы ухаживала за матерью. Сказал, что придет проверить через месяц. Передал свою офицерскую аптечку, записал номер телефона. Вторую бывшую прачку, самую высокую, послал за продуктами на весь этаж. Чтобы все

вспомнили Ильичёвых и не обижали мать. Третьей, самой шустрой оплатил помыть квартиру мамки. Голубой дом зашевелился. На возню и харчи как тараканы выползли жильцы. Кто без ноги, кто без глаза, все без зубов и животов. Юра пошвырял поручениями и деньгами ещё в паре углов и убедившись, что происходят изменения, ушёл в комнату, где раньше у окошка сидел дед. Там было удивительно пусто, только часть его вещей всё ещё гнила по углам. Кто-то вынес кровать и снял карниз. Носком сапога Юра пошевелил тряпье и достал обгоревший и при том одновременно пухлый от влаги фотоальбом. Там не было ни фото его семьи, ни деда, никого знакомого. Это был абстрактный фотоальбом с неизвестными и плохо сохранившимися фигурами. Однако пара фотографий просто ударили по глазам. Это были групповые снимки офицеров на фоне футуристического подбитого танка. Такой правильной геометрической формы будто в мире отменили окружности и сферы. Во втором ряду среди незнакомых людей стоял Юра. Широкий и высокий, не заслонённый никем, стоял и смотрел в камеру. Листая дальше разбухшие картонные страницы Юра пытался найти себя снова. На других фото были разрушенные города, офицеры или солдаты, одеты все были очень похоже, знак молнии попался пару раз. Пугало, что города явно были русскими. С маковками церквей и номерами на стенах домов. Такие узнаваемые были города, с качелями и тополями, с разбитыми ларьками и детсадами. Названий не было, но серд-

це подсказывало, что это русские города. Нет больше нигде таких бордюров и таких почтовых ящиков на палисаднике. На оборотных сторонах фото не нашлось дат или надписей. Юра своё фото оторвал и положил между страниц офицерской тетради в планшет. Цел был турник и Юра вынул его из дырок в коридорной стене и забрал с собой. Цела была школа и Юра бросил в окно второго этажа камень. Светился магазин звофонов и в него бежали пешеходы. Юра знал, что там хватит приборов оживить все гранаты и все снаряды в этом городе. Послать их по трубам теплосетей и по дождевым стокам к нехорошим людям. Запустить с копеечным моторчиком на любую крышу. Как бы только узнать достоверно, кто именно нехороший. Кто в будущем начнёт эту войну? Кто ответственен за разрушение городов на фото? Может быть звофоны скоро научатся подсказывать кто свой, кто чужой? Дед что-то про то говорил. Тогда не будет проблем устранить врага. Средства уже есть. Цели только нет. Будь воля Юры, он бы начал с владельцев кошек и собак, с покупателей особенно дорогих звофонов и бывших, а также нынешних заключённых. С чего их кормить? Собственники же дорогих звофонов это чистые бездельники. Им некогда работать и учиться, у них всегда хотя бы один глаз и один палец в звофоне. Потом бы Ильичёв принялся за тех, кто не уважает старших, сильных и умных товарищей. А также и за тех, кто слишком умный. Они люди ненадёжные, ум их как правило непрактичный и направлен на культуру или ис-

кусство, которыми сыт не будешь. Театр и цирк, например, уберут оттуда красивых женщин и мороженое в буфете, окажется пустой тратой времени и денег государства. Никакой радости не принесёт. Юра надеялся, что в новой военной части, куда ему скоро ехать он встретит единомышленников по этим вопросам. Встречались ему курсанты, что не любили голубых, стариков или скажем негров. Баловство это. Надо им объяснить, что не любить нужно неправильно живущих людей. Таких, как мать Юры или его тётка, или трудовик. Много они еды потребляют и много места занимают. От них и некрасивые такие девушки рождаются, и дома гниют, а дороги какие грязные. Сколько хилых глупых бездельников встречал Юра за последние годы. Сколько зависимых от светящихся коробочек, от водки и курева. Кто бы только Юре подсказал правильные слова, оформил мысли ему. Сила ведь есть, богатство и ум, деду спасибо. Он бы, Юра, смог много сделать для родной страны. Скорее бы в часть, однозначно новый командир подскажет как действовать.

Перед тем как покинуть город Юра на такси приехал на кладбище. У ворот купил два букета и пошёл искать могилы тётки и деда. Тропинки были подметены, ограды подкрашены. Удивительная чистота царила на кладбище. Почему эти нежилые места выглядели лучше, чище и светлее, чем дома в городе? Чем дворы и парки. Люди приходят на кладбище и оставляют тут лучшее. Воспоминания, цветы, конфеты. Всё то, чем они не делятся с ещё живыми детьми и деда-

ми. Сюда не вывозят грязь и не сваливают бутылки. Приятно и мило оказалось искать могилы родственников. Кладбище было аккуратно поделено на улицы и кварталы. Порядок и ухоженность помогли Юре. Все могилы стояли фотографиями и надписями с одним направлением, прямо как курсанты на построении. Было легко с одной точки рассмотреть целое поле имён. Первой на глаза попалась тётка. Изображение на чёрном камне показывало её молодой, в полный рост, с гладкошёрстной кошечкой на руках. У камня стояла ваза с сухими цветами, скамейка и красная лампадка. Юра неохотно наклонился было взять вазу, но тут заметил что-то позади тёткиного камня. Через ряд от её могилы высился плоский монумент с натурально нарисованной машиной и выходящим из неё мужчиной в пальто. Это был один из ресторанных друзей, тот, что тогда в грязи остановил драку своим пистолетом. Он улыбался на могиле и много славных слов было высечено вокруг. У него стояло три почти новых венка и две скамейки. Лампад было штук двенадцать. Юра перешагнул через могилу тётки и подошёл к автомобилю и пальто. Он оставил букет у ног весёлого мужчины и смахнул со скамейки упавшие листья. Судя по дате, весельчак с пистолетом покинул мир, когда Юра закончил офицерское училище.

Могила деда нашлась нескоро. У него не было фотографии на кресте или монумента с изображением. На территорию его могилы падала тень от соседней большой стелы в

честь разбившейся в аварии семьи. Из земли у деда торчал только мраморный булыжник, какие часто валяются вдоль новых дорог истроек. Кто-то не поленился притащить его сюда, а может он тут и лежал от последнего ледникового периода. Мраморный овал был уплощён спереди и к нему была налажена металлическая табличка с ФИО и датами. Никаких тёплых слов и прощаний выбито не было. Только в левом верхнем углу изобразили молнию. Сделали это криво, так что она была похожа на какую-то иностранную букву. Это не портило общий вид, скромная и основательная могила была как и дед, низкой и вызывающей уважением. Юра только посетовал, что нет ограды участка. Цепей или заборчика. Когда-то воткнутые палки с цветной лентой почти не были различимы. Цветы легли на округлый камень и почти закрыли собой имя деда. Юра стоял, вспоминая разные байки, слышанные от него. Улыбнулся вспоминая как дед был уверен, что их фамилия происходит от названия кометы Ильичёва-Стефана. Их прапрадед был образованным человеком и дал своему сыну, их прадеду, фамилию в честь кометы, потому что отпрыск родился в день её пролёта в зоне видимости с Земли. Стефан Ильичёв. Немного необычно для тех мест, потомки носили более простые имена. Как Юра.

Это закончилось в тот год, когда перестали курить табак. Проблема с маленькими цветами и кучами мёртвых насекомых затронула плантации табака, он перестал расти. Запасы исчерпали скоро и люди перешли на курение звофо-

нов. В стандартный разъём для наушников вставляли трубку для курения. Курили разные приложения, которые обновлялись ежедневно и быстро сформировался целый рынок услуг. Купившие звофон в кредит курили в основном бесплатные приложения, приложения-помощи для вынужденно бросивших табак, для зависимых от никотина. Богатые курили приложения с поддержкой видео, 3D-курение, игровое и развлекательное курение, курение для молодых мам и детей с дефицитом внимания. Для быстрого обучения детей придумали курение приложений через соску, что также входила в стандартный разъём. Никотиновые сигареты перекочевали в музеи и на секретные закрытые распродажи. Появились коллекционеры сигарет и папирос. Закономерно после того исчезли спички, зажигалки, парфюм, урны, перепывы на работе и весь этот мир вещей связанных с курением. Благодаря контакту с выдыхаемым воздухом потребителя звофоны наконец-то стали полноценными друзьями человека. Отныне они могли давать советы по здоровью, развитию социальных связей, предлагать пару на основе предпочтений курительных приложений, собрать о пользователе ценную информацию. Болезни органов дыхания не уменьшились, переменилась их структура. Теперь это был не рак и бронхит, а в основном лёгкая форма звофонита. Прекрасная замена раку. Звофонит лечился психологами с помощью упражнений по выдоху агрессии и БАД на основе редкоземельных металлов. Это закончилось в том городе, где серая река разделялась

на два рукава, обтекая большой остров, что в древности и был началом города. Сейчас на острове торчал поломанными каруселями парк, увенчанный недвижимым скелетом колеса обозрения. И ему, парку, суждено было стать нейтральной полосой между частями города, между людьми, что стали тогда врагами. Кто-то заметил, граждане заречных сторон курят по-разному. Применяют разные приложения и ищут разные способы их применения. Речь людей в двух частях отличается, как и манеры, как и мнение о том, что такое хорошо, а что плохо. Исчезло их взаимное уважение. И грязь, обычное говно в общем, стало чаще от одного берега прибивать к другому. Местные с помощью специальных приложений устанавливали где чьё говно и посылали возмущённые сообщения соседям и родственникам. Звофоны по выдоху потребителя умели определять кто есть источник говна и кто есть его родственник первой линии, то есть соучастник говна. Отдельные отряды с берега серой реки начали привозить забережным за остров их говно назад и раздавать согласно подсказкам из приложения. Достаточно было навести на лицо или паспорт и всё становилось ясно. Приложений было вдоволь для того чтобы разделить людей по любому признаку и никому невыгодно было их объединять. Звофоны помогали разделиться по запаху изо рта, по частоте упоминания в речи разных политиков, по различиям в запросах новых звофонов, по уровню возмущения чужими отходами у своих дверей, по диете и по содержания кальция в костях.

И каждый покупатель требовал большей дифференциации. Необходимо было отличаться от людей с другого серого берега. С жадностью хватались за новое дефицитное отличие от них. Но самый большой дефицит люди испытывали в войне. Войны не было уже три поколения. Не все уже и знали, как это, воевать. Звофоны показывали всю доступную информацию, но казалось, что этого мало, инструкций недостаточно. К счастью, на то нашлись профессионалы, такие сильные и умные, как Юра Ильичёв.